

Алексей
МАКЕЕВ

Ищите девочку

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Ищите девочку
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949545
Ищите девочку / Алексей Макеев: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58629-5

Аннотация

У бизнесмена Каляжного ради выкупа похитили тринадцатилетнюю дочь. Расследованием занялось частное сыскное агентство. Его сыщик Максимов вскоре вычисляет потенциального похитителя – это соседский школьник Малеев. Не составило большого труда вычислить и адрес дачи, куда увезли похищенную девочку. Максимов отправляется за город, но там вместо предприимчивого школьника его встречают весьма злобные и опасные типы. И все же дальнейшие события разворачиваются совсем не по их плану...

Алексей Макеев

Ищите девочку

Дождь падал с полуночи. Густой, пронизывающий, стылый – то ускорялся, хлестал, словно боялся, что не успеет вылить за сутки всю свою месячную норму, то на время затихал, оставляя в воздухе колючую изморось. Тучи клубились, ворочая друг дружку – словно ленивые борцы-сумоисты, – плавно смещаясь на юг. Северный ветер гнул деревья, тормозил последнюю листву.

К девяти утра в сплошной облачности наметились просветы – ненастье повернуло на спад. Рассветало. Плотную мглу разодрал свет фар. С насыпной дамбы, разделяющей пересохшую протоку, спустилась серая машина с тонированными стеклами. Порывав в раскисшей низине, обогнула поникшие камыши, жухлые заросли тальника и, прибавив скорость, въехала на грунт. Позади остались символические ворота небольшого дачного кооператива. Водителю пришлось притормозить – дорога состояла из сплошных колдобин. Благо гравий, насыпанный много лет назад, не совсем ушел под землю и позволял транспорту небольшие маневры. Поселок небогатый – одинаковые серенькие домишки, приземистые оградки, компактные участки по четыре сотки на пайщика. Застройка советских времен, когда земли на всех не хватало, частную собственность подменяли «лич-

ной» и возводить большие загородные дома запрещалось. Серая иномарка медленно огибала рытвины. Проехав метров семьдесят, свернула с основной дороги и втиснулась в узкий переулок. Оттуда – в соседний, протащила мимо ржавой колонки с отвернутым краном, мимо приземистой подстанции, прогнившего вагончика с надписью: «Продам эту дачу». Свернула еще раз – выехав на тесную улочку. Шаткие ограды с выбитыми штакетинами, облезлые дома, пунцовые гроздья рябины – традиционное украшательство калиток. Ни души в поселке – самые стойкие дачники съехали еще в начале октября. Несерьезно оставаться без нужды в тридцати верстах от города, без воды и электричества, под дождем и постоянной угрозой нарваться на дачных вооришек...

Но кто-то был в этом поселке – вопреки логике. Проживал или прибыл погостить – дело туманное: рычание машины, берущей приступом очередной ухаб, привлекло внимание. Рука отодвинула застиранную занавеску. В узкую щель было видно, как мимо ограды проползает серая иномарка. Стекла мутные, сидящие в салоне не просматривались. Машина проехала. Человек сменил позицию, сплющил нос о стекло. Любопытно стало. Иномарка проследовала еще пару строений и остановилась на противоположной стороне улочки. Мигнули тормозные огни. Из машины показалась мужская фигура в короткой куртке. Хлопнула дверца. Прибывший распрямил спину, пытливо осмотрелся. Наблюдатель

отошел от окна и подвинул занавеску. Щелка осталась. Человек, стоящий у машины, сплюнул на штaketник и что-то сказал, сопроводив слова небрежным жестом. Распахнулась задняя дверца – показалась еще одна мужская фигура. Перекинулись парой слов. Первый распахнул калитку, второй принялся извлекать из салона продолговатый мешок – наподобие тех, что используют для перевозки трупов. Второй подхватил свободный конец, подождал, пока напарник впишется задним местом в калитку. Мешок был полон. Но, видимо, не очень тяжелый. Без особых затруднений парочка втащила ношу на территорию и поволокла мимо бревенчатой избы – во внутренний дворик, где просматривались стены покосившихся сараюшек. Скрылись за углом. Буквально через минуту один из них вернулся. Запер калитку и внимательно осмотрелся. Послал через дорогу густой харчок и побежал обратно.

Наблюдатель протянул руку к занавеске, чтобы закрыть окно, но что-то остановило его. Словно чувствовал... Машина. И действительно, вскоре вернулся шофер. Отворил в стороне от калитки длинную створку, сливающуюся с оградой, сел в машину. Действовал по-хозяйски. Натужно пыхтя, иномарка вползла на участок и подалась в объезд вспаханных грядок к сараюшкам. Первая часть шоу, судя по всему, подходила к концу. Наблюдатель, поколебавшись, задвинул занавеску. Хватит.

Упругий дождь забарабанил по крыше. Тяжелые свинцо-

вые тучи заволокли просвет, сплотили ряды, началось очередное светопреставление...

Днем ранее. 21.50

– Если в кране нет воды... – задумчиво проговорил Максимов, выслушав утробное урчание открытого крана.

– Значит, жива еще российская интеллигенция, – хихикнула Екатерина из соседней комнаты.

– Ничего подобного, – возразил из кладовки Вернер. – Скончалась российская интеллигенция, мир ее праху. В Москве воздвигли памятник рукотворный – напротив фонда Сахарова – конь с крылышками. Сам видел. Так и назвали – памятник российской интеллигенции.

– А при жизни не могли? – удивилась Екатерина.

– А при жизни не могли, Катюша. При жизни у нас только первому лицу памятники ставят.

– А ты вообще где? – осторожно осведомился Максимов.

В полумраке кладовой что-то рухнуло с полки – покатилося с бронзовым дребезжанием. Жгучий шипящий глагол сопровождал неловкость.

– В романтический поход отправился, – тихо засмеялась Екатерина.

– У старушки тут чего только не пылится, – завистливо прошептал из глубин времен Вернер. – Какие-то киммерийские сосуды, скифские росписи золотом по бронзе...

– Муженек-то при жизни ректором исторического трудил-

ся...

– Да и сама в археологии работала, – вспомнил Максимов. – Дочь рассказывала – всю страну объездила еще при Советах, два десятка исследовательских работ – по раскопкам Херсонеса, по шумерам... Одна из первых привела убедительные доказательства, что сражение на Куликовом поле происходило в действительности не под Тулой, а практически в Москве, а побоище на Чудском озере – вообще какая-то веселая залипуха, не имеющая ни одного материального подтверждения. Говорят, в психушку за такой «авангард» чуть не загремела...

Пыль забила в нос. Максимов зарылся ноздрями в рукав и сдержанно чихнул. На втором уровне необъятной квартиры было пыльно, жутковато и не было воды в кране. Очевидно, этой частью жилища давно не пользовались. А, в общем-то, логично. Надо сказать, что подобных жилых апартаментов в типовых городских домах Максимов никогда не видел. Дом возводился очень давно – в те угрюмые времена, когда активно электрифицировали колючую проволоку, прибавляя ее к советской власти и объявляя все это социализмом. Покойный папа нынешней клиентки, очевидно, был при жизни персоной значительной. Да и дедушка – не из последних крестьян. Родословной Ольги Немышевой Максимов не интересовался. Квартиры в этом сталинском доме сами по себе были огромные – так ведь кому-то из семьи удалось еще присовокупить к апартаментам точно такие же

этажом выше! — связав их двумя лестницами и механическим подъемником для доставки продуктов питания из кухни в обеденный зал! Для семьи из пяти человек! Получалась замкнутая «экосистема» — набитая тем, что в нынешние времена принято называть понтами. К двадцать первому веку, впрочем, от былого великолепия осталось немного. Клиентка жила небогато, на верхний уровень почти не ходила. Трудилась в рекламном агентстве, спуская половину зарплаты на оплату жилья и коммунальных услуг. И хотя для своих нужд использовала лишь три нижние комнаты, продавать квартиру не спешила.

И не страшно ей тут?

За пятнадцать минут пребывания в этих пропыленных, пахнущих гнильцой помещениях Максимов чувствовал, что на голове начинают шевелиться волосы. Призраки скользили по облезлым стенам, притворяясь бликами от уличных фонарей. Какие-то скрипы в простенках, шебуршание... Олешка Лохматов, убывший на охрану нижней прихожей, окончательно выпал из реальности (давно от него не было вестей). Екатерина, уподобляясь привидению, бродила из комнаты в комнату, изображая какие-то зловещие па. Вернерзнакомился с «антиквариатом». Он наткнулся на бар в недрах старого трюмо: два десятка запыленных причудливых сосудов, к которым годами не прикасалась рука человека. Покойный отец привозил из загранпоездов, а будучи человеком непьющим, не находил лучшего применения, как

оставлять в коллекции. А Ольга про богатство и не знала. Обрадовавшись как ребенок, Вернер тут же отхлебнул из заплесневелой емкости и вынес авторитетное экспертное заключение – в сосуде кашаса: популярная в Бразилии самогонка из сахарного тростника. Хороша, зараза.

– Тридцать пятое китайское предупреждение, – напомнил Максимов. – Если не оставишь в покое эти свои штучки...

Помещения второго уровня осмотрели более чем внимательно. Пыльные ковры, громоздкая мебель. Можно было спускаться. Если развернутся этой ночью события, то на первом ярусе – по крайней мере, на это надеялись.

Проживала в квартире когда-то семья: мама, папа, две дочери и сын-балбес. Старичок скончался пятилетку назад, сынуля Вадик в легкую жизнь ударился, с последнего курса медицинского загремел, оскотинился. Подсел на метадон и ни в какую не желал слазить. На эту тему Олежка хорошо выразился: когда-то от морфия лечили – героином (им же и от насморка), потом от героина – метадоном; настало время от метадона что-то изобрести. Старшая дочь Светлана тоже с мамой чего-то не поделила. В общем, конфликт назрел. Наркомана выставили без выходного пособия – на край города, в съемную хату (крутого нрава была старушка). Светлана сама ушла – муж удачно подвернулся. Только младшенькая, Ольга, с матерью осталась – послушная дамочка и почти бесконфликтная. Ей мамаша и завещала квартиру. А каких-то три месяца назад вдруг скончалась как-то странно старушка –

выпила сердечное лекарство и почувствовала себя неважно. До такой степени неважно, что «Скорая», не заезжая в больницу, прямо в морг ее и повезла. А лекарство, которое Ольге Вадик для матери всучил («эффективное и жутко дефицитное»), самым странным образом из квартиры испарилось – а пропажу Ольга обнаружила случайно. Заявился скорбный Вадик со взором горящим и подменил флакончик на очень похожий. Думал, не заметят. Но Ольга женщина наблюдательная, вот и зароились в ней первые подозрения. Обращалась во внутреннее ведомство, но то уж чересчур оказалось внутренним – не достучалась. Нанесла визит в агентство «Профиль», поделилась опасениями. Идиотская совершенно ситуация. Две недели назад ее машина чуть не сбила – чудом увернулась. По квартире кто-то ходил – в Ольгино отсутствие. И спина уж больно часто чешется...

В разработку это дело взяли без особого, впрочем, восторга. Поговорили с сестрой Светланой, представившись близкими друзьями, – положительной оказалась женщиной, рассудительной и не очень-то привечающей непутевого братишку. Коварный экземпляр, мстительный. Не любить мамашу у Светланы причины, конечно, имелись, но на квартиру она не претендовала, зачем? У мужа не хуже жилплощадь. Да и с работой у обоих пока тьфу-тьфу...

Олежка Лохматов вырвался непонятно откуда, когда вся троица чинно спускалась с верхнего уровня. Напугал до смерти.

– Константин Андреевич, – зашептал встревоженно, – у меня две новости...

– Давай хорошую, – выдохнул Максимов.

– Да нет, обе плохие... В подъезде трое... Это раз. Постояли у двери и отправились выше – это два. У них, похоже, ключи... А наверху ловушка не сработает – мы же не думали, что братишка с верхнего уровня полезет...

Затаили дыхание, замерли. И в стоялой, напоенной пыльными жучками тишине отчетливо слышали, как где-то наверху провернулся ключ...

– По местам, – скомандовал Максимов. – Некрасиво, конечно, но должен сработать запасной план.

Разбредались на цыпочках, но довольно споро. Двое ушли по радиальным направлениям, двое нырнули в спальню, где имелись в наличии «домашние заготовки». Пару дней назад Ольгу Немышеву кто-то пытался подкараулить в парке. Возвращалась с работы поздно вечером, тень метнулась из кустов – благо под ноги злоумышленнику попалась пивная бутылка (вот и выступай теперь за чистоту в садах и скверах...). Неслась, словно метеор ее преследовал. «По совету друзей» сообщила доверительно на следующий день брату, что испытывает проблемы с сердцем – мол, не мог бы он посредством своих наркош-фармакологов достать одно дефицитное лекарство? Братишка с готовностью откликнулся. Лекарство подвез уже на следующий день (Екатерина при сем присутствовала – в качестве «подруги»). Неприятный

тип, скользкий – глаза блуждающие, руки дрожат. Улыбается хамовато. Лекарство через час перехватил Вернер – пристроил на экспертизу по своим амурным каналам. В самом деле – дефицитным оказался препарат. Просто смертельно дефицитным...

В 21.30 Ольга позвонила брату на съемную хату и слабым голосом сообщила, что очень плохо себя чувствует. Практически умирает. «Я подъеду», – пообещал брат. Тот же час несостоявшаяся покойница была удалена из квартиры, а ее место заняли сотрудники агентства «Профиль», полагающие, что полчаса в их распоряжении имеются наверняка. Но немного ошиблись.

Общая картина финальной драмы, реконструированная из осколков мозаики, выглядела так. Заработал эндоскоп на гардине, позволяющий снимать в ультрафиолетовом свете. Войдя в окутанную мглой спальню, преступник не стал зажигать свет. Он на цыпочках прошел к кровати и включил компактный фонарик. Некоторое время удовлетворенно рассматривал закутанное в одеяло тело. Пышные волосы, разбросанные по подушке, красиво серебрились в отсвете возшедшей луны. Преступник положил руку на мерно вздымающееся одеяло, убедился, что жертва еще жива. Поцокал языком. Тихий шелест пронесся по пространству:

– Что ж ты так мало приняла, сестренка? Давай-ка добавим...

После этого он склонился над прикроватным столиком,

нашел в кучке флакончиков и таблеток нужное лекарство, отвинтил крышку.

Напоить любимую родственницу он не успел. Потенциальная покойница внезапно ожила. Одеяло сползло, показавшись аккуратная пяточка – короткий прямой, преступник с визгом выронил флакончик и, пораженный в челюсть, свалился на пол. Вспыхнул свет – Максимов, сидящий за комодом, дотянулся до выключателя. Бросился на существо мужского пола, растерянно застывшее в проеме. В полете произвел беглый мониторинг: Екатерина чудненько справилась с ролью, пулей вылетает из кровати, парик – в сторону, кулачки сжаты. На полу, пытаясь приподняться, – родная сестра Ольги Светлана: лицо искажено болью, глаза – страхом. Не ждали, как говорится...

И что характерно – никакого братца-наркомана в округе. В дальнейшем случилась небольшая техническая заминка. Существо мужского пола в проеме, оказавшееся на поверку свежеиспеченным мужем Светланы, обладало прытью. Сошлись, как рыцари на турнире, вывалились в коридор. Подпрыгнули, бросились друг на дружку. Екатерина в спальне возила преступницу физиономией по полу, а Максиму в этот раз приходилось туго. У мужа был хорошо поставленный, тяжелый удар. Пропустив пару оплеух, он все же дал сдачи (не принесшей противнику серьезного урона) и совсем уж было затосковал – особенно после того, как его приперли к стенке и приготовились пропечатать скулу. Благо Вернер,

усиленно тянувший резину, все же рискнул поучаствовать в веселье. Навалился сзади, отодрал противника от Максимова и красивым дуговым свингом отправил в нокаут. Убедившись в бездыханности оппонента и несомненных успехах сотрудницы (Екатерина в спальне продолжала энергично протирать ковер носом злодейки), бросились на помощь Лохматову. Олежка в прихожей также испытывал затруднения. Коренастый бычок (оказавшийся в дальнейшем шофером мужа злодейки) пытался пробиться к выходу. Все доступные резоны Олежка исчерпал. Когда Максимов врезал по выключателю, картина предстала весьма неприглядная. По усам юного сотрудника текло, он лавировал из последних сил, норовя избежать ударов и одновременно прикрыть дверь. Преисполнившись бешенства, Максимов нанес в широченную спину шофера превосходный маваша-гири. Одновременно рухнул Лохматов. Шофер, махая руками, проделал дугу и вонзился в пожилую оленью голову, висящую рядом с дверью. Пожилой олень оказал яростное сопротивление, исказив до неузнаваемости физиономию пострадавшего. Шофер сполз на пол, клацнул челюстью о плинтус и успокоился.

– Ты ничего, живой?

Олежка, подумав, тряхнул головой.

– Они не пройдут, Константин Андреевич, – размазал сопли вперемешку с кровью по рукаву и гордо посмотрел на начальника.

– Марш в ванну, – распорядился Вернер. – Смотреть про-

тивно. Политрук Клочков, блин...

Настало время сообщить о своих свершениях в органы. Новый заместитель начальника криминальной милиции Железнодорожного района, прибывший на должность после посадки Корнеева и его банды, был человек незлобный. Даже скорее пофигист. Но не глупый. Приставка «ВРИО зама» этому типу весьма не соответствовала. Забавный типаж. Но видеть кого-то другого на данном посту Максимов не хотел – поскольку знал капитана Завадского еще по старой работе и относился к нему неплохо, хотя и с юмором. Самым серьезным недостатком Завадского было впадение в бешенство, когда по ночам напоминали о работе. Но пойти на это следовало, причем немедленно. Агентство «Профиль» нуждалось в положительной рекламе – причем не только для рядовых граждан, но и для доблестных правоохранительных органов. Предстояло пережить несколько неприятных часов.

Но в итоге обошлось. К часу ночи всех участников спектакля выставили из помещений районного управления. Одних в сопровождении почетного эскорта – в изолятор временного содержания, других – на все четыре. Сказать спасибо, как всегда, постеснялись.

– Полученные моральные и физические увечья – отнюдь не повод не являться завтра на работу, – строго напомнил Максимов. – Впрочем, будучи добрым и чутким руководителем, разрешаю поспать на часок подольше. К десяти жду. И прошу не забывать, что нам предстоит напряженная и на-

сыщенная трудовая неделя. Халява не пройдет.

– Блин... – сказала Екатерина.

Олежка Лохматов осторожно ощупал свежий пластырь на губе, гордо промолчал.

– Тиран ты неисправимый, Константин Андреевич, – вздохнул Вернер. – Поговори, кстати, с клиенткой – на кой ей хрен нужен этот пиратский бар на втором уровне? Она не знает о нем, а нам – какое ни есть, а утешение.

– Поговорю, – великодушно пообещал Максимов.

Через пять минут он остался один на ночной улице – с гудящей головой и отбитой грудной клеткой. Брел по краю тротуара, ориентировочно держа курс на дом. Машина – хорошо подержанный «Пассат» – отошла от стоянки милицейского ведомства и поравнялась с Максимовым.

– Вы неважно себя чувствуете, Константин Андреевич? – заботливо спросила сидящая за рулем Ольга. Пришлось остановиться. Машина тоже остановилась. В глазах симпатичной клиентки поблескивали слезы.

– Устал немного, Ольга Витальевна, – скупно сообщил Максимов. – Не люблю, когда ночь с воскресенья на понедельник доставляет хлопоты. А вы неплохо, кстати, выглядите. Для покойницы, я имею в виду.

– А я свежая покойница, не протухла еще.

– Извините, Ольга Витальевна.

– Да пустое, Константин Андреевич. Я могу для вас что-нибудь сделать? – Неподдельная благодарность звучала в ее

голосе.

– Конечно, – вспомнил Максимов. – В старом трюмо в кабинете вашего отца нашими сотрудниками был обнаружен потаенный бар с экзотическими напитками. К нему не прикасались лет так тысячу. Если вы не будете возражать... Один из наших сотрудников является неистовым ценителем экзотики, а денег на путешествия у него хронически не хватает...

– Да что вы говорите? – искренне удивилась Ольга. – А я и не подозревала. Знаете, после смерти отца крайне редко заглядывала в кабинет. Собиралась из года в год навести порядок, да так и не собралась... Разумеется, Константин Андреевич, обрадуйте вашего сотрудника, всё ваше. Я вам что-нибудь еще должна?

– Нет.

Помолчали.

– Не могу поверить, что это оказалась Светлана. А Вадим совсем не виноват... Она снабжала его дозами, а он исполнял ее мелкие поручения, сам не зная, что творит. То лекарство для матери принесет, то в квартире потопнется... А муж Светланы владеет агентством недвижимости, а кроме того, курирует фирму по продаже специальной аппаратуры, он и «жучок» к телефону Вадима прицепил. Я позвонила ему сегодня... ну, сказать, что мне стало плохо, он побежал, а на лестнице какие-то парни перехватили, по затылку дали, он и провалялся полчаса, а потом до квартиры добрал, стал на

сотовый мне названивать... Я хотела бы вас поблагодарить.
Константин Андреевич.

– Начинайте, – улыбнулся Максимов.

Женщина немного стушевалась.

– Вас... отвезти?

– Отвезите. Было бы неплохо.

– Замечательно. Садитесь, пожалуйста. А куда вас отвезти?

– К вам.

Женщина беззаботно засмеялась. Отопнула дверцу.

– Я боялась, что вы такого не скажете. Присаживайтесь,
Константин Андреевич, ночь без пользы проходит.

В памяти сохранилась огромная квадратная кровать, нагруженная пуховой периной. В ней, должно быть, неплохо вдвоем. А то и втроем. Почему она так медленно выкруливает на проспект?

Понедельник, 25 октября. 10.40.

Офис агентства «Профиль».

«Вчера вечером с территории колонии строгого режима в поселке Кривошеково, убив двух солдат срочной службы, сбежали четверо заключенных, – улыбаясь, сообщила с экрана симпатичная ведущая местных криминальных новостей. – Немедленно введен в действие план «Перехват». Перекрыты областные дороги. Преступники вооружены двумя автоматами Калашникова и четырьмя снаряженными мага-

зинами. Руководство УВД и ГУИН усиленно рекомендует гражданам воздержаться от поездок за город, а в случае контакта с подозрительными лицами – немедленно связаться с дежурной частью по телефонам, приведенным на экране...»

Максимов пять минут разминал сигарету и уныло смотрел на экран. Энергичная ночь в дополнение к безумному вечеру не могли не сказаться на общем самочувствии. Штормило капитально. К семи утра он добрался до дома, удостоверился, что родная дочь мирно посапывает, и настойчиво пытался побриться. Слава богу, этого позора никто не видел. А в целом ночь прошла без претензий. Привидения, правда, мерещились. Удивительные создания эти женщины. Боязливые, мнительные, суеверные, а проживать одной в необъятной, набитой призраками квартире – это вполне нормально...

«Очередное заказное убийство в нашем городе, – продолжала ведущая. – Вчера в подъезде собственного дома на улице Октябрьской был застрелен вице-президент «Топкредит-банка» Равинович Леонид Борисович. Как удалось выяснить корреспонденту нашей программы, в банкира были выпущены четыре пули, но лишь последняя, поразившая теменную часть черепа, оказалась смертельной...»

Олежка Лохматов, зачарованно смотрящий на экран, облизал пересохшие губы (пластырь снял – чтобы не смеялись). Почесал вздыбленную макушку. Он недавно вычитал в газете, будто бы западными учеными открыт новый ген, ответственный за неподдающийся расческе хохолок. Долго

смеялись.

Взглянув на часы, Максимов набрал домашний номер. Маринка сняла на пятом гудке – сонная, как хорек.

– Почему не в школе? – возмутился Максимов.

– Папахен, перестань нудить... – заныла Маринка. – Жизнь и так коротка, когда я успею выспаться?

– Немедленно в школу! – зарычал Максимов.

– Дай ребенку поспать! – восстала Екатерина. – Не убежит твоя школа!

– Ну, пап, – тянула Маринка. – Я тебе говорила, ты забыл – труды отменили, химичка кони двинула до пятницы, в школу – к четвертому уроку...

– Все равно вставай. О боже... – Максимов положил трубку и ворчливо пожаловался коллегам: – Она весь вечер просидела в Мировой паутине. В тюрьме столько не сидят, сколько Маринка в Интернете!

«Несомненный успех правоохранительных органов, – продолжала издеваться ведущая. – Буквально несколько минут назад нашему корреспонденту стало известно, что оперативниками Железнодорожного района этой ночью была проведена успешная операция по обезвреживанию банды так называемых «черных риелторов». На счету преступников – помимо махинаций с недвижимостью – несколько человеческих жизней. А на этот раз одна из участниц банды покусилась на собственную сестру. Всем, конечно, известен знаменитый «стоквартирный» дом на площади Свердлова...»

– Я не понимаю, – сверкнула тонко подведенными глазами Екатерина, – почему мы каждый день должны смотреть вот ЭТО? Дешевое поветрие, Костик? Политинформация наоборот? Давай переключим!

– В самом деле, Константин Андреевич, – солидарно забурчал Вернер. – На кой ляд тебе это надо? Настроение можно испортить любым другим способом – их масса. Впрочем, что с тебя взять... уже испортил.

Максимов чертыхнулся и выключил компактный телевизионный приемник, приобретенный из средств «общака» на нужды коллектива.

– Послушай, – нахмурилась Екатерина, – а ты где сегодня ночевал?.. Постой-ка, постой-ка... я, кажется, понимаю. Держу пари, что прошлой ночью в квартире нашей чудом выжившей клиентки на одно привидение стало больше!

– Bravo, командир, – скупое одобрил Вернер. – Уважаю.

– Так, сменили тему, – сдвинул брови Максимов.

Вздернул руку Олежка Лохматов.

– Предлагаю начать чайную церемонию.

– Да, чуть не забыл, – встрепнулся Вернер, забираясь в стоящую под ногами сумку. Распечатал тщательно упакованный сверток. – Пора почавкать. Держи пирожок, командир, – плетеный с черникой, круглый с курагой. Налетай, Лохматик. А тебе, Екатерина, не предлагаю, блюда свою фигуру. Впрочем, если есть желание...

– Откуда, Саня? – обрадованно запустил лапу в пакет

Олежка.

– Да так, – небрежно бросил Вернер. – Не успел позавтракать, с собой дали.

Екатерина громко фыркнула.

– Вдову очередную обрел. Напоила, обогрела. Водка, секс и пироги.

– Наши лучшие враги, – подхватил Лохматов.

Но оценить кулинарные таланты новой пассии Вернера не дали. Распахнулась дверь, и втиснулась завитая по высокой моде Любочка, успев пропищать:

– Шухер, мили-иция...

Но тут секретаршу оттерли, и на пороге возник ни много ни мало капитан Завадский – труженик районной криминальной милиции, можно даже сказать, ее начальник, поскольку на замов всех собак и вешают. Подтянутый такой красавчик – при параде, отутюжен, кокарда сияет. Значок «Отличник милиции» – на четыре сантиметра ниже положенного. Физиономия, правда, озабоченная.

– Ба, инспектор Лестрейд, – вежливо поклонился Вернер. – Собственной персоной. Мистер Холмс, у нас сегодня по плану намечены неприятности?

– Пироги, значит, трескаем, – неодобрительно обвел глазами компанию Завадский. – О делах своих скорбных калякаем?

– Надеюсь, ты не уполномочен прикрыть нашу лавочку? – осторожно осведомился Максимов.

– Я бы с удовольствием, – бесцеремонно упал в кресло капитан. – Но только не сегодня.

– Жалко, – облегченно вздохнул Вернер. – А сегодня было бы очень кстати. Угощайтесь, товарищ капитан, пирожки с черникой, не отравленные.

– К черту пироги! – грохнул Завадский, делая страдальческое лицо. – Кусок в горло не полезет...

– Неприятности с ночным делом? – осторожно выразила общее опасение Екатерина.

– Да нет, с вашими ночными кульбитами пока нормально. Фигуранты колются, процесс, как говорится, на мази, а ваш гонорар меня, конечно, здорово бесит, но не тревожит. Послушай, Максимов, – Завадский сморщился, как будто сунул в рот сразу два лимона, – нам нужна твоя помощь. Срочно.

– Какие лестные слова, – разулыбался Максимов. – Повтори их, пожалуйста, Коля. Не могу поверить, что впервые за семь лет частной практики я понадобился доблестным органам. Надеюсь, не в качестве козла отпущения?

– К черту всех козлов, – отмахнулся Завадский. – Слушай.

История вкратце такова. Существует некий бизнесмен по фамилии Каляжный. Главарь совета директоров концерна «Правый берег». Строительная фирма «Юго-Запад», возводящая элитные «свечки» и коттеджи, также его детище. По отзывам, вполне респектабельный и честный. Но не этим знаменит г-н Каляжный. А знаменит он тем, что является неформальным спонсором районного управления милиции.

Почему он данным спонсором является, дело сложное, уходящее корнями в историю, но так уж вышло, надо принимать за данность. Кабы не финансы бизнесмена Каляжного, местная милиция до сих пор ездила бы на работу на трамвае, считала на счетах в отапливаемых лучиной аварийных помещениях и по выходным пила бы дешевую водку. Ничем таким она теперь не занимается. Датчане тут недавно из родственного ведомства приезжали – по обмену опытом. Тихо облезли. То есть наша милиция и г-н Каляжный – как бы закадычные друзья.

И вот у этого закадычного друга три часа назад выкрали дочь.

Ей тринадцать лет, зовут Варюша. Мать умерла от белокровия много лет назад, второй женой Каляжный не обзавелся, воспитывает дочь самостоятельно. Но сильно, видимо, не утруждается, поскольку имеется приходящая домработница, по совместительству гувернантка, звать Валентиной, четыре года в семье. Проживает семья на улице Тухачевского, в ухоженном сталинском доме (Максимов вздрогнул при упоминании о сталинском доме). Квартира пятикомнатная. Трудится Игорь Николаевич сутками напролет, поэтому всю работу по дому тянет Валентина. Гладит, стирает, стоит в очередях на оплату жилья, умудряясь при этом контролировать ребенка. В будние дни Каляжный уходит в восемь. К этому же часу прибывает Валентина. В 8.15 она конвоирует Варюшу (озорную и непредсказуемую) вниз по лестнице, приме-

няя, если требует обстановка, легкое рукоприкладство – на что имеется соответствующее разрешение отца. У подъезда уже поджидает серая «Тойота Квеста» с шофером Ильей – доверенным работником Игоря Николаевича. Варюша забирается на заднее сиденье и едет в школу, которая суперэлитная, одна такая на весь район и расположена далеко. Занятия – в девять. Домработница возвращается в квартиру, производит влажную уборку, ходит за продуктами и поджидает ребенка, которого тот же Илья доставляет из школы. То есть несчастный ребенок полностью под колпаком. В этот день, как обычно, Валентина спустила Варюшу на крыльцо парадного. Моросил дождь. На девочке в это утро была белая утепленная курточка, шарфик поверх воротника и вязаная шапочка. Серая «Тойота» уже поджидала. Боковые стекла у нее тонированы. Заднее – тоже. Буркнув под нос обычное: «Пока, тетя Валь», сонная Варюша просеменила к машине, забралась на заднее сиденье и захлопнула дверцу. Машина тронулась. У Валентины почему-то екнуло сердце – хотя ничего тревожного не было. Она задержалась на несколько секунд – вслед посмотреть. Номер у машины был заляпан грязью. Обычно Илья такого не допускает. Но вторично сердце не екало. Пожав плечами, Валентина вернулась в дом – занялась обычными делами. Через час позвонил шофер и поведал слабым голосом, что не успел он вывести машину из гаража, как получил железным предметом по голове и потерял сознание. Очнулся в медпункте, куда его доставил сосед, от-

того приехать за ребенком не смог. Машина целая, зачем были – непонятно. У Валентины чуть сердце от страха не разорвалось. Что случилось? Кто увез ребенка?! Примерно в это же время в фирму Каляжного позвонили (на центральный офис, имеющийся в справочнике), и мужской голос попросил секретаршу передать директору, что его дочь похищена. Размер выкупа сто тысяч зеленых денег, никакой милиции (в противном случае будет труп, а в трупе – некомплект), деньги собрать завтра до обеда, а о месте их передачи сообщать особо. Испуганная секретарша отыскала шефа, быстренько ему обо всем доложила, получила приказ помалкивать и замкнула рот на замок.

Но Каляжный все же позвонил в милицию. Кулуарно, с содовой трубки – самому начальнику управления. Начальник здорово испугался и подвязал Завадского. А Завадский – «не подпольщик работать в таких условиях». Пусть уж частный детектив проведет скрытое расследование, есть тут у него на примете один способный...

– Имеется конкретная зацепка, – уныло разжевывал Завадский. – Точно такая же серая «Тойота Квеста». У шофера Ильи – машина 1995 года. Очевидно, искомая – абсолютно конгруэнтная, поскольку Валентина не нашла в ней резких отличий, а женщина она отнюдь не деревенская. Напрягись, Константин, барыга заплатит. Ты пойми – мы не можем ввязнуть в расследование, это сразу заметят. Наши люди давно разучились работать деликатно. А ты тихушник, я знаю. Рас-

считывай на любое содействие со стороны милиции и учти – в запасе только сутки.

Максимов хитро посмотрел на бывшего сослуживца.

– Ты пришел конкретно в наше агентство, Коля. Почему? Их десятки в этом чертовом городе, во многих работают профессионалы или люди, по ряду причин умеющие выполнять свою работу. Ты считаешь наше агентство лучшим?

Вопрос был подлым и провокационным. Завадский долго пытался, подыскивая достойный ответ, но в итоге махнул рукой и обронил:

– Да, черт с тобой, имеется такое мнение.

Максимов победно оглядел не скрывающих интереса сослуживцев: дескать, не зарплатой, так хоть качеством.

– Уломал, Колян, беремся. Все равно не слезете. Но мне нужно встретиться с отцом девочки.

– Нужно – так встретишься, – просиял Завадский. – Собирайся. Он в машине во дворе. Стеснительный больно.

Судя по машине – гордо стальному «Пежо-407», – стеснительным Игорь Николаевич Каляжный стал совсем недавно. А до этого в поте лица зарабатывал и давил конкурентов пачками.

– Прошу, располагайтесь, – сидящий за рулем любезно указал на свободное место. Он курил и был заметно взволнован. Немолодой, серьезного вида мужчина с модельной стрижкой и глубоко посаженными глазами.

Максимов представился. Человек кивнул.

– Я знаю. Каляжный, – протянул руку. – Надеюсь, вы в курсе. Не будем ходить кругами, Константин Андреевич. Я безумно люблю свою дочь. Это последнее, что связывает меня с покойной женой. Такой милый ребенок... Прошу поверить, я бы с легкостью отдал эти несчастные сто тысяч долларов, существуй уверенность, что ублюдки вернут Варюшу живой и невредимой. Но у меня такой уверенности нет, надеюсь, вы понимаете...

– Не будем ходить кругами, – согласился Максимов. – Уверенности никакой. Даже если похитители пользуются масками, они не могут не опасаться, что жертва опознает их по голосу. Фото ребенка, Игорь Николаевич?

Цветной фотоснимок покинул недра кожаного плаща и перекочевал из рук в руки. Снимали на природе у воды. Фрагмент решетки барбекю, хвойные лапы. Симпатичное создание с плутоватыми глазенками, одетое в розовую курточку. Кудряшки, курносый носик. На господина Каляжного данное создание походило лишь контуром лица и маленькими прижатыми ушками. Очевидно, во всем остальном это была копия покойной жены. Оттого и терзания. Он поднял глаза и перехватил страдальческий взгляд. «А ведь богатые тоже плачут», – смекнул Максимов.

– Снимок сделан в прошлом месяце, – пояснил бизнесмен. – В одно из воскресений, которое я целиком посвятил ребенку. К сожалению, такие дни выпадают крайне редко. Я слишком занят, Константин Андреевич. Даже в выходные

приходится работать.

– Понятно, – кивнул Максимов. – Припомните, Игорь Николаевич, не происходило ли чего-нибудь необычного в последние дни? Подозрительные личности, неправильные поступки – соседи, обслуга, коллеги? Может, вы замечали, что за вами кто-то наблюдает?

Довольно быстро бизнесмен пожал плечами – думал уже.

– Абсолютно ничего необычного, Константин Андреевич. Все по заведенному распорядку. Но, знаете, это ни о чем не говорит, – бизнесмен невесело улыбнулся. – Во всем, что не относится к работе, я довольно рассеян. Имеется во мне такое обыкновение – уйти с головой в «производственные» думы и не замечать элементарных вещей. Но знаете, случись в непосредственной близости что-то вопиющее – я бы заметил.

– Не сомневаюсь, – вздохнул Максимов. – Возьмите ваше фото, Игорь Николаевич, у вашей дочери весьма запоминающееся лицо. Она действительно милый ребенок...

– У вас есть дети? – перебил Каляжный.

– Такая же, – усмехнулся Максимов. – Хотя немного постарше. Сложный возраст – вам еще предстоит.

«И черты трагически погибшей супруги начинают доминировать, – подумал он с внезапно нахлынувшей тоской. – Этот взгляд внимательных глаз за ежевечерней пиццей...»

– В таком случае вы должны понимать и разделять мои чувства, Константин Андреевич. – Каляжный нахмурился,

вспомнив, очевидно, о своем высоком и недостижимом положении. – Я реалист и отчетливо понимаю, что найти мою дочь – бледный шанс из тысячи. Прошу сделать все возможное. Очень прошу. Настоятельно прошу. О размере вознаграждения можете даже не беспокоиться – сами назовете цифру.

– Возможное-то мы сделаем, – пробормотал Максимов. – Но вот как быть с невозможным?.. Расскажите о ребенке, Игорь Николаевич. В двух словах.

Коммерсант изобразил подобие улыбки.

– Она такая озорница, право слово, выдумщица... В мать пошла. У той тоже в голове бурлили фантазии. Я помню, как в позапрошлом году Варюша впервые в сознательном возрасте посмотрела фильм «Один дома». Он потряс ее! Я натыкался на какие-то веревки, подвешенные ведра, искусственные сопли из магазина приколов, из-под меня уезжало кресло, предметы, к которым я прикасался, имели свойство убежать... С Валентиной, впрочем, у нее такие номера не проходили – строгая женщина. В два счета хвоста накрутит. Хотя и любит Варюшу без памяти.

– Если правильно понимаю, ребенок постоянно находится под присмотром?

– Пожалуй, да, – призадумался Каляжный. – Увозит в школу Илья, привозит Илья. В школе завуч и местная охрана имеют строгое предписание не спускать с ребенка глаз. Дома – Валентина. Даже во дворе Варюша гуляет под ее присмот-

ром. Понимаю, для формирования личности этот надзор не совсем уместен... Но вы же знаете, что творится в наше время!

– Тем не менее вашего ребенка умыкнули... Вам не кажется, что ваша дочь одинока в постоянном кольце воспитателей и надсмотрщиков?

– Я не деспот, Константин Андреевич, – резко отбил Каляжный. – Я многое понимаю и стараюсь из множества зол выбирать наименьшее. Если в чем-то не прав – то отнюдь не из-за нелюбви к ребенку.

– Хорошо, простите, Игорь Николаевич. У вас есть идеи? Кто бы это мог быть? Подозрения, зацепки? Явно работали люди, знакомые с распорядком дня вас и ваших близких.

– Ну, не знаю, – коммерсант развел руками. – На шофера и домработницу я бы грешить не стал. Люди проверенные, глубоко порядочные. Да и деньги, которые я им плачу... не думаю, что эта сумма наводит на мысль, как бы покрупнее мне нагадить. А что касается работы... Не имею, знаете ли, привычки знакомить подчиненных с распорядком дня своих близких.

– Решительно? – уточнил Максимов.

– Разве только секретарша, – бизнесмен немного покраснел. – Овсянина Нина Михайловна. Возможно, пару раз в приватной беседе я и упомянул... Но она не болтуня, можете поверить.

– Ага, – намотал на ус Максимов. – Это не та секретарша,

что приняла звонок от похитителей?

Каляжный кивнул.

– Она самая. Женщина не болтливая и... порядочная.

– Я могу с ней поговорить?

– Да ради бога. Хотя, знаете... – Лицо преуспевающего коммерсанта затянула тень сомнения. – Мне бы не хотелось, чтобы вы появлялись в офисе. За Ниночку... простите, Нину Михайловну я уверен как за себя, но кто знает – а вдруг похитители ведут скрытое наблюдение? Поймут, что проводится следствие, и тогда Варюша... Знаете, я даже к вам ехал с мерами предосторожности. Полчаса кружил по дворам.

– Это несложно, – улыбнулся Максимов. – Передайте Ниночке... простите, Нине Михайловне, что ровно в час дня она должна подойти к бюсту Покрышкина, что на Красном проспекте, обойти его сзади и присесть на любую свободную лавочку. У этой достойной женщины имеются особые приметы?

Каляжный не уловил иронии в словах сыщика.

– Родинка на левой щеке.

«И мокрые ресницы...» – добавил про себя Максимов и протянул руку.

– Будем надеяться на лучшее, Игорь Николаевич. Постарайтесь сильно не переживать.

Пребывая в задумчивости, он вернулся в офис. Подчиненные обленились настолько, что не соизволили даже поменять позы. Но Максимов сегодня был добренький.

– Интуиция подсказывает мне, дорогие коллеги, что дело, невзирая на внешнюю загадочность, несложное. Беремся гуртом. Отправная точка – серая «Квеста». Вижу сквозь туман две версии. Либо иномарку специально готовили к преступлению (во что лично я не верю – слишком громоздкая и трудоемкая работа; есть множество более дешевых способов отъема ребенка). Либо именно наличие серой «Квесты» и осведомленность о такой же у Каляжного подтолкнули преступников к мысли о похищении. Но это говорит о недалекости злоумышленников. Сколько в городе серых «Квест»? Десятка четыре?

– За сутки не успеть, – резонно отвергла Екатерина. – Даже если допустить, что ГАИ забросит все свои дела и помчится на розыск серых «Тойот», а опера начнут талантливо и изобретательно трясти их владельцев...

– А преступник не обязан быть владельцем серой «Тойоты», – мудро заметил Лохматов. – И при чем здесь, черт возьми, деликатность? Мы переполошим весь город!

– И девчонку прикончат, – хрустнул пальцами Вернер. – Помяните мое слово, коллеги, виновата в похищении домработница. Или шофер. Так всегда и бывает – самые преданные и надежные люди на поверку оказываются двуличными.

– Всегда? – блеснула яшмовыми глазками Екатерина.

– Почти, – не смутился Вернер. – Присутствующих и их патологическую преданность частному сыску и лично господину Максимову, восходящую к абсурдной вышине, попро-

шу не трогать. Подними он нам зарплату – и упомянутая преданность пронзила бы страто-сферу.

– Не пора ли слетать в банк, о мудрейший? – наклонила головку Екатерина. – Твоих подачек нам хватает на четыре дня безбедной жизни. Остальные двадцать шесть живем как на Гаити.

– Самые быстрые крылья – у денег, – философски изрек Вернер.

Олежка встрепенулся.

– А я знаю закон их сохранения: единственное, что в деньгах сохраняется, – это крайняя в них нужда.

– Все проговорились? – Максимов строго обозрел преданное войско. – А теперь слушай сюда. И не говорите потом, что забыли. Лохматов остается диспетчером, на досуге размышляет, станут ли опытные, махровые похитители звонить на центральный телефон фирмы и первому попавшемуся выражать свои условия. Екатерина разрабатывает домработницу, Вернер – шофера. Напряглись и проявили изворотливость. Днем – результат, вечером – зарплата. Кто зацветится – пролетает мимо денег.

– Боже мой, – убитым голосом сказал Вернер. – Человек рожден для счастья, а вынужден работать...

– А сам куда? – подозрительно понизила голос Екатерина.

– А у меня задание наиболее ответственное. Секретарь-массажист Каляжного – отвратительная, пожилая мымра с комплексом ненависти ко всем, кто не ее шеф. Молчи,

Екатерина...

Он правильно сделал, что назначил встречу под открытым небом. Ливень прекратился около полудня, небо прояснилось, и едва ли за короткий час могло собраться новое ненастье. Максимов обогнул несчастного Покрышкина (создатели бюста безжалостно оттяпали герою половину грудной клетки) и узрел три лавочки, на каждой из которых сидели одинокие женщины. «Отвратительные, пожилые и с комплексом ненависти». И все как одна смотрели на сыщика. «Мать честная», – подумал сыщик.

Но делать нечего, пришлось обходить всех по очереди. У первой от Покрышкина прекрасной дамы приближение Максимова вызвало отвращение. Вот если бы он был женщиной... На простое человеческое «Здравствуйте» она подняла небесно-голубые глаза, сморщила кукольное личико и процедила сквозь сжатые зубы:

– А пошел ты...

У второй улыбка разверзлась до ушей, а из горла исторглось призывно-радостное:

– Здравствуй, милый.

Но неясное чувство подсказало сыщику, что образ энергично подпрыгивающей под скакуном кобылки, черные колготки в сеточку, кавалерийские сапоги и полкило косметики – не совсем то, что стерпел бы интеллигентный Каляжный у себя в приемной. Он тактично извинился, намекнув, что услугами сексуального характера не интересуется, про-

шел дальше и присел на третью лавочку.

– Нина Михайловна?

Женщина сдержанно кивнула. Неплохое творение Создателя. Личико внимательное, черный плащ без модных выкрутасов, над кудряшками – трогательный беретик. Судя по паутинкам в уголках глаз, четвертый десяток разменян, но до пятого еще далеко, и думать о нем как-то не хочется.

– Я Максимов, здравствуйте. Пара вопросов, если не возражаете вы и ваш адвокат.

«Секретарь-массажист» устало улыбнулась. Есть такие женщины, рядом с которыми просто приятно находиться, и даже мысль о сексе приходит во вторую очередь. Но в итоге приходит.

– Ради бога, уважаемый детектив. Игорь Николаевич предупредил, что времени у вас в обрез – говорить нужно кратко, взвешенно...

– И желательно начистоту, – скромно закончил Максимов.

– А я никогда не вру, – удивилась Нина Михайловна.

Глядя на это удивление, он пришел к удручающему выводу – вина Нины Михайловны с повестки дня решительно снимается. С интуицией не поспоришь. Многих он перевидал на свете женщин. Врущих и категорически отвергающих свою вину, невзирая на вопиющие улики, хитроглазых, озорных, твердолобых, увертливых, лукавых. С ними можно было работать, разоблачать, срывать маски. Но каким образом работать с женщиной, которая патологически не хочет

врать?

Он позволил себе маленькую проверку.

– Я нисколько не сомневаюсь в вашей искренности, Нина Михайловна, а также в уверениях Игоря Николаевича, что вас связывают исключительно деловые отношения...

– Вы хотите, чтобы я опровергла эти уверения? – с чарующей улыбкой произнесла женщина.

От Максимова не укрылось, что она внимательно следит за его реакцией.

Максимов рассмеялся.

– Простите, Нина Михайловна. Задаю конкретный вопрос: в котором часу позвонили похитители?

– Ровно в десять, – помрачнела женщина. – Передали сигналы точного времени, я включила чайник, достала из тумбочки коробку с сахаром... тут он и позвонил.

– Какой голос был у похитителя?

– Мужской, – секретарша запнулась.

– А точнее?

– Ну... не больше двадцати. Голос взволнованный – точно. Говорил в носовой платок, гнусавил. Пытался казаться спокойным, но не думаю, что это выглядело натурально. Такой, знаете ли, визгливый, ломающийся голос...

– Школьник, студент, пэтэушник?

– Извините, детектив, не знаю. В пэтэушниках понимаю ровно столько, сколько и в студентах.

– Пьяный? Под действием дури?

– Мм... Пожалуй, нет. Трезвый. Десять утра.

– Время суток не играет роли, Нина Михайловна. Наркоманы могут колотиться посреди ночи, как только даст команду внутренний будильник. Алкоголик пьет в семь утра – ему не запретишь. А вечерами пьянствует исключительно пролетариат, поскольку утром на работу. А теперь попытайтесь вспомнить, что именно произнес голос в трубке. Дословно. Абстрагируйтесь от всего, что вас окружает, закройте глаза, мобилируйте память. Итак?..

– Да не надо ничего мобилизовывать, – отмахнулась женщина. – Я прекрасно помню его слова: «Передайте господину Каляжному, что его дочь похищена. Размер выкупа – сто тысяч североамериканских долларов. Деньги собрать завтра, о месте их передачи будет сообщено особо. И никакой милиции – в противном случае ребенок погибнет, а тело будет расчленено».

– Импровизировал?

– По бумажке читал. Дабы не забыть и не растеряться.

– Хм... Следует заметить, Нина Михайловна, вы оказали неоценимую услугу следствию – сами о том не догадываясь. Возвращайтесь на работу и никому не рассказывайте о нашей беседе.

Женщина выглядела заинтригованной.

– А скажите... вы действительно намерены искать Варюшу Каляжную? Или только вид делаете?

– Станный вопрос, – пробормотал Максимов. – Даже не

знаю, что вам на него ответить...

К двум часам дня Максимов сидел у себя за столом, наблюдал, как густеет небо за окном, и принимал телефонные донесения коллег. Первой позвонила по мобильнику Екатерина и трещала минут пять, позабыв, что болтун – первейшая находка для оператора сотовой связи.

– Знаешь, Костик, – сказала Екатерина, – сорок минут назад заплаканная домработница вышла из дома. Прошлепала по луже, намочила ноги, но ничего такого не заметила. Бродила по улицам, тупо смотрела витрины, зашла в «Кофемолку», купила чашечку эспresso, но даже не прикоснулась к нему, посидела и вышла. Вела себя как законченная луна-тичка. Шлялась по парку, потом забралась на дальнюю лавочку и горько заплакала. Чем и занимается, кстати, в данную минуту. Дождик моросит, а ей по фене. Сердце разрывается, Костик. Знаешь, что хочу тебе сказать? – задумчиво заключила сотрудница. – Я, конечно, понимаю, что страна богата талантливыми исполнительницами, но чтобы вот так... Словом, можешь мне поверить – Валентина не выжимает слезу. Она действительно потрясена. Вычеркивай.

– Ты готова поручиться?

– Я не первый год в сыске, Костик, – укоризненно заметила Екатерина. – Если это игра, то Кафка со Станиславским отдыхают, а нам пора сворачивать деятельность и покупать домик на Майорке.

Аналогичной информацией порадовал и Вернер. Он до-

был соседа по гаражу – владельца списанной по старости из 3-го ПАТП античной «Волги». Этот добрый дядечка обнаружил в половине десятого утра, что гараж Ильи как-то странно открыт. Заглянул внутрь – двигатель бурчит. Илья валяется без чувств у выхлопной трубы. Из головы хлещет, как из фонтана. Еще минут десять – он бы и кровь потерял, и надышался бы, и вообще бы коньки отбросил. Непохоже на инсценировку. Сосед доставил Илью в ближайший травмопункт, где и привели парня в чувство. Вернер побеседовал с врачом – благо врач оказался привлекателен, синеглаз и вообще врачихой. В двух шагах от рая находился клиент. И неизвестно еще, какие последствия для головы повлечет эта травма. Лихо саданули.

– Не проходит Илья, командир, ошибочка вышла, – грустно подытожил Вернер. – Человек, по отзывам, не глупый, должен понимать, что никакие деньги не заменят здоровье.

Но Максимова не покидала уверенность, что дело плевое. Отработанные версии вываливались из строя, как трупы из атакующей шеренги.

– Послушай, Коля, – позвонил он капитану Завадскому, – шофер и домработница не в теме, их пробили. Но не могут похитители быть совсем посторонними. Злодеи знали распорядок дня семьи. Версию коллег Каляжного мы отложим в долгий ящик – мне нравится его секретарша и не нравится версия. Волнуют СОСЕДИ. От лица похитителей звонил мальчишка – от семнадцати до двадцати лет. Давай про-

верим? Шаг рискованный, согласишься – поставить «Тойоту» у подъезда и сидеть ждать. Лобовик-то открыт. Не спору, обычаи, заведенный ритуал, из года в год Валентина сгружает девочку на крыльцо и провожает до машины. Но у преступников нервы, не забывай. Вдруг пойдет не так? Срабатывает закон всемирной подлости? Да мало ли какая случайность? Выйдет местный житель и разглядит незнакомую рожу за рулем. Нельзя не учитывать, что преступники сами трясутся от страха.

– Есть идеи? – оживился Завадский.

– А ты представь, что некто из злоумышленников проживает на одной лестничной площадке с Каляжными. Приятель не ставит машину рядом с подъездом, а спокойно ждет где-то за углом. Сосед знаком с ежедневным ритуалом семьи – почему нет? Он с утра топчет собственную прихожую. Пялится в глазок. В 8.15 у соседей гремят запоры, девочка с женщиной выходят. Преступник их прекрасно видит, звонит на сотовый общнику. Сообщник выводит из-за угла машину, ставит напротив подъезда. Номера уже заляпаны. Появляются жертва с домработницей, девочка забирается в машину, особенно не всматриваясь, кто там за рулем, – насмотрелась, поди, за много лет. Кляп, эфир, угроза ножиком – нужное подчеркнуть, – машина уезжает. Это версия, Коля, но давай ее проверим?

– Полагаешь, малолетки?

– А как иначе? Звонок в офис и диктовка своих требо-

ваний секретарше – вершина глупости. Эти парни заранее расширяют круг посвященных. Они не знают сотовый номер Каляжного, а серьезный похититель уж наверняка бы узнал. Идиоты идут кратчайшим, необременительным путем, надеясь, что кривая вывезет.

– Интересно, Константин, – задумчиво запыхтел Завадский. – На площадке четвертого этажа – четыре двери... От меня-то что требуется?

– Точная информация из ЖЭУ, кто там проживает. Не прописан, а фактически проживает – это две большие разницы. А также убедительную причину поговорить с соседями.

– Мм... Потоп этажом ниже?

– Пошло, Коля, – Максимов поморщился. – Этот прием избит, как игра в наперсток. Да и не нужно осматривать квартиры. Нужно просто поговорить с жильцами.

– Скоро выборы, – хихикнул капитан. – Прикинься агитатором.

– Я похож на идиота? – возмутился Максимов.

– Знаешь, на тебя не угодишь... Мм... Установка домофона?

– А его нет?

– Нет. Кодовый замок на подъезде.

– Ладно, сойдет. Окажи содействие. И еще: в случае попадания, есть ли возможность подключить сотовых операторов? Номер телефона по фамилии и распечатка звонков: кому, скажем, телефонировал абонент в 8.15 утра?

– Мм... Мы не спецслужбы, Максимов.

– А кто? Санитары дворов? Не жеманься, Коля. Мне – деньги, тебе – слава. Поработай хоть чуток, будь ласков.

– Ладно, – чертыхнулся Завадский, – сделаем.

На площадке четвертого этажа четыре квартиры – с тринадцатой по шестнадцатую. В тринадцатой проживает старушка – божий одуванчик. Ровесница минувшего века. При ней никого – даже хомячка. Родни не наблюдается. У бабушки сложные отношения с человечеством, поэтому не дружит даже с себе подобными. Местный ЖЭК ждет не дождется, когда одуванчик загнется, чтобы провернуть махинацию с квартирой. В четырнадцатой проживают муж с женой Синицыны – оба занятые, у каждого мелкий бизнес (у него – магазин зеркал, у нее – цветочная лавка), детей ввиду крошечной занятости нет, а квартиру в будние дни сторожит некая родственница из провинции. Она же выгуливает собаку. В пятнадцатой обретаются Каляжные (лестница аккурат напротив квартиры). В шестнадцатой – семья из трех человек по фамилии Малеевы. Отец – по научной линии, мамаша – по торгово-закупочной, сынуля обучается на третьем курсе Железнодорожной академии. Шалопай и балбес (список неполный). Связан с торчками – не так давно был сигнал в милицию, когда брали одну местную «принцессу дури», но мамаша играючи откупилась. Родичей на данный момент в квартире нет – получили запоздалый отпуск и укатили к сестре мужа в Днепропетровск. Там еще тепло. Замечатель-

но. Крепнет уверенность, что дело несложное.

День летел, как пуля из ружья. В три часа пятнадцать минут Максимов с папочкой в руке стоял на гулкой площадке четвертого этажа и с интересом разглядывал двери. У старушки нет глазка, у Синицыных есть, но не объемный – из квартиры не увидишь, кто выходит от Каляжных и кто спускается по лестнице. Зато у Малеевых – не глазок, а целый вытарщенный глаз. Еще одно подтверждение?

А в чем тогда подвох?

Интуиция подводит редко, но он был вынужден отрабатывать все квартиры. В тринадцатой дребезжащий старческий голос послал его конкретно. Не надо бабушке никаких «музофонов», так и шастают, ворье проклятое, не знают, что и выдумать. Но бабушку не проведешь – она умеет проникать через запертые двери, и если жулик немедленно не уберется, то случится тако-ое...

Размышляя об особенностях старческого маразма, он позвонил в четырнадцатую квартиру. Отворили легко и просто – крепенькая девица в шортиках и с ватрушкой в кулаке. Двигая хорошо развитыми челюстями, она внимательно выслушала представительного мужчину, работающего «по поручению Марь Семеновны из второй квартиры», собирающего подписи за установку домофона и даже сующего ей под нос какие-то списки жильцов с печатями и поддельными подписями. Дожевав ватрушку, девушка вытерла пальцы о шорты и предложила мужчине войти в квартиру – не возра-

жает ли тот попить чаю? Максимов не возражал, вытер ноги о коврик и шагнул в прихожую, где сейчас же был неприятно поражен. Подошел огромный мраморный дог, сел рядом с сыщиком и крепко зевнул. Представив собственное достоинство, исчезающее в этой бездонной жутковатой пасти, Максимов ощутил горячую испарину.

– А это Тяпа, – рассмеялась девушка. – Малосский дог. Правда, миленький?

– Славная собачушка... – просипел Максимов, стараясь не шевелиться. «Собачушку» явно с утра не покормили. Она обнюхивала сыщика с таким же интересом, как если бы обнюхивала свежую говяжью косточку.

– Может в горло вцепиться, – простодушно объясняла девушка. – Но вряд ли станет это делать без моей команды.

– Вы уж не давайте ему команду, хорошо? – попросил Максимов.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласилась девчушка. – Я где-то читала, что в Израиле запретили этих очаровашек. Подвергают насильственной стерилизации. Представляете, какие изуверы! Якобы малосский дог набросился на толпу из двенадцати человек, всех покусал, двое потом в больнице скончались. Врут, наверное. Наш Тяпа совсем не такой. Правда, бульку недавно во дворе порвал, но булька сама напросилась, да и хозяин ее – последний дурак...

– Вы знаете, я, пожалуй, пойду, – пробормотал Максимов. – Дела надо делать, все такое...

– А как же чай? – обиделась девчушка.

– Да пил уже, спасибо... Вы не ответили насчет домофона.

– А мне плевать на домофон, – махнула рукой девица (собачка с интересом покосилась на хозяйку – мол, что, можно начинать?). – Вот придут хозяева, пусть и разбираются. Вечерком загляните, ладно? А вы точно не хотите чаю?

Ситуация ясна до икоты. Выбравшись на площадку, он с облегчением перевел дыхание. Тяжелое, оказывается, занятие – обивать чужие пороги.

В шестнадцатой квартире, как ни странно, кто-то был. За дверью пошуршали, помялись, но открыли. Объявился юноша в майке, с наглым взором. Челюсть уступом, прическа... комбинированная – на макушке вроде ежик, а виски тщательно выбриты. Под нижней губой – клочок волос. Борода, с позволения. Честность на роже так и светится.

Сын Малеевых – Дима. Тот самый. Благодарный потомок. В пальцах сигарета. Пузо чешет пятерней. Ногти на ногах можно стричь, не снимая носков. Из института домой вернулся (если был в институте). Повесть Носова: «Дима Малеев в школе и дома». Или там Витя был? Осмотрел Максимова цепко и подозрительно.

– Вспотели, – показал пальцем на лоб.

– Собачка, – объяснил Максимов. – В четырнадцатой квартире. Надо же такому страшилищу уродиться...

– Гы-гы, – заржал Малеев. – А тебе чего надо-то, мужик?

В квартиру приглашать незнакомца явно не хотелось.

Максимов повторил заученный текст – про Марь Семеновну, про домофон, про немыслимые удобства, что придут с установкой этого чуда прогресса и столпа безопасности. И всего лишь полторы тысячи рублей с квартиры...

– Чё ты гонишь, мужик? – нахально заявил юноша. – Какие полторы тысячи рублей? У корифана за восемьсот ставили.

– А это в девятиэтажном доме, – не растерялся Максимов. – Там квартир больше – тридцать шесть. А у вас всего двадцать – да и то в пяти квартирах отказались наотрез, придется остальным доплачивать.

– На фиг твой домофон, мужик, – отмахнулся Малеев. – Не буду ничего подписывать, на кой хрен мне это надо? Проблемы лишние – бегать к трубке, снимать, опускать... Впрочем, мне по барабану, предки с отпуска вернутся, тогда и приходи, уламывай их.

Затягивать пустой разговор было опасно.

– Всего доброго, – распрощался Максимов, насилу сдерживая позыв врезать малолетнему хаму по челюсти.

– Угу, – прожевал отрок и внимательно уставился сыщику в спину. Как клешней царапало позвоночник. Тупая публика – почему не понимают, что в тюрягу сядут не на неделю? По статье 126-й – похищение человека группой лиц, предварительный сговор, в отношении заведомо несовершеннолетнего – от восьми до двадцати лет... Максимов не спеша отправился наверх – якобы по списку. Дверь захлопнулась.

Выждав пару минут между этажами, он спустился во двор и позвонил Екатерине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.